

Белорусские фальшивомонетчики

Ирина КОЛОБОВА

Доцент
Белорусского
государственного
университета культуры,
кандидат
исторических наук

Первые российские ассигнации достоинством в 25, 50, 75 и 100 рублей были выпущены в 1769 году специальными ассигнационными банками Москвы и Петербурга. В 1786 году в обращение пускаются ассигнации в 5 и 10 рублей.

В результате роста тиражей бумажно-денежных эмиссий происходит постепенное обесценивание бумажного рубля. В 1786 году он соответствовал 98 копейкам серебром, а в 1795 году — лишь 68,5 копейки.

После девальвации 1839 года серебряный рубль приравнивается к 3,5 ассигнационного рубля. В 1843 году ассигнации заменяются кредитными билетами.

Популярность ассигнаций уже в 1771 году приводит к появлению первых подделок. В последующем,

как свидетельствуют архивные документы, изготовление фальсификатов приобретает достаточно широкие масштабы.

В 1814 году был арестован житель Гродненской губернии Игнатий Юлиан Цейзик — гениальный фальшивомонетчик, который в 1815 году был приговорен к пожизненной каторге. За продолжение своей деятельности на каторге в Тобольске его, после повторного суда, отправляют на Нерчинские рудники.

В 1858 году в канцелярии Могилевского губернатора появляется «Дело о розыске фальшивомонетчиков» [1], возбужденное по доносу некоего Берки Нотанзона. Непосредственное исполнение операции по поимке фальшивомонетчиков было поручено губернскому секретарю Улазовскому.

В помощь ему были направлены квартальный надзиратель Федорович и двое полицейских служащих.

Отчет Улазовского (18.11.1858) написан в своеобразной литературной манере и изобилует описаниями театральных приемов с переодеванием, гримом, наивным притворством.

Получив столь ответственное задание, Улазовский, *«предвидя в этом деле необходимость скрыть настоящее свое звание чиновника, приобрел для того костюм простого селянина, дабы в нем легче было к поискам тех лиц, кои будут продавать фальшивые билеты мнимому покупателю оных учителю Шкловского казенного еврейского училища Эфраимсону»* [2], у которого он должен был играть роль кучера.

Пока шла подготовка к поездке, чиновник отправляется на свою квартиру и *«заперши за собой на замок дверь, дабы никто не мог взойти и видеть, как я буду примеривать новый мой костюм, приобретенный за восемь рублей одиннадцать копеек серебром и состоящий из старой белой свитки, простого полушубка, ...старой бараньей шапки в двух местах по шитву распоровшейся, порванного шерстяного пояса и старых простых сапог, но довольно прочных, в которых я в то же время подрезал рант, дабы более соответствовало одно другому и по мне выказывало бедного поселянина»* [3].

«Нарядившись таким образом, — пишет далее Улазовский, — я подошел к зеркалу проверить, на самом ли деле я могу походить на то лицо, которым хочу казаться и, заметя белизну кожи на лице, которое не доказывало на самом деле простого поселянина, испытывавшего и солнечный зной и другие невзгоды, то для отстранения этого подозрения, взяв из лежащих на столе щипцов немного пережженных фитилей, что срывают с свечей и смешав с свиным салом и тем средством так удачно почернил лицо, что на самом деле трудно было узнать и самому короткому моему знакомому...» [4]. Переоделись соответствующим образом и полицейские.

Наказание за подделку денег во всех государствах и во все времена было суровым. В средневековой Англии фальшивомонетчикам отрубали правую руку и половые органы. Согласно Любекскому праву (Германия) их варили живьем в кипятке. Любекское право допускало также снятие с головы виновного волос вместе с кожей. В период правления в России царя Алексея Михайловича уличенным в подделке монеты заливали в горло расплавленный металл.

На этой гравюре XVI века запечатлена сцена ужасной казни фальшивомонетчика расплавленным металлом. В настоящее время уголовные кодексы практически всех стран мира (в том числе и Беларуси) считают подделку денег тяжким преступлением, за которое предусмотрено лишение свободы на длительный срок.

Наняв лошадей (тройку — для Федоровича с полицейскими и пару — для Улазовского с осведомителем Нотанзоном, который и должен был навести на фальшивомонетчиков), вся группа отправляется в Шклов за учителем Эфраимсоном — мнимым покупателем фальшивок.

Истинная цель всей операции вначале скрывалась от полицейских и их кучера, которые думали, что тайно едут на задержание двух разбойников, перерезавших несколько человек в Сенненском уезде.

При подъезде к Шклову Улазовский, снабдив полицейских 5 рублями на провиант, отправляет их вперед, назначив место встречи в четырех верстах за городом — в корчме Мурованка. Сам же совершенно другой дорогой едет в Шклов за учителем Эфраимсоном.

Описывая свои ощущения, чиновник жалуется на «холодный северный ветер и довольно сильный мороз», от которого он «часто вздрагивал» [5].

Встретив готового к отъезду Эфраимсона, Улазовский берет у него «черный утиральник» и «грязный носовой платок», повязав первый вместо галстука, а второй «под уши, ибо мороз казался... нестерпимым» [6].

В дороге решено было, что Эфраимсон будет называться купцом из Полтавской губернии Ильей Берманом, а Улазовский — его работником Иваном Пинчуком. «Сверх того, — пишет чиновник, — я от своей стороны сделал наставление, чтобы Эфраимсон как можно грубее обходился со мной, даже дозволил ему при случае, где окажется нужным, употребить ко мне и дерзкое выражение, дабы тем самым, еще более не подать и малейшего подозрения в мнимом кучере» [7].

Описывая свои дальнейшие мытарства по приезду в корчму, чиновник отмечает, что ему «пришлось окаменевшими от холода руками распрягать... лошадей...», а когда он пришел на кухню, то полицейский Федорович «из сострадания подал мне рюмку водки и я, никогда не употребляя, должен был пить», появившийся на кухне Эфраимсон «тоже заставил меня выпить рюмку водки» [8].

В корчме было лишь два посетителя, которых Улазовский ошибочно принял за продавцов фальшивых кредитных билетов. Один из них начал подтрунивать над переодетым чиновником, и последний решил избразить из себя «совсем простого человека». Для этого, «увидевши на стене висевшее зеркало», мнимый кучер с притворным недоумением вскрикнул: «зовсим тоже чоловик як я и в билой свитки» и начал «искать» за зеркалом представившегося ему человека, чем немало развеселил присутствующих [9].

Затем Улазовский с Эфраимсоном и Нотанзоном отправляются в следующую корчму — Кувеченскую, договорившись, что полицейские выедут туда позже. Именно в этой корчме, по доносу Нотансона, находилась могилевский мещанин Неух Дубников — посредник по продаже фальшивых кредитных билетов. По предварительной договоренности, Эфраимсон должен был передать Дубникову «сто рублей серебром», а тот, в свою очередь, обязался отвезти «полученные деньги к продавцам фальшивых билетов, ожидавших в корчме Голосовке и взять от них... фальшивых билетов и, если они понравятся Эфраимсону, и он пожелает купить их больше, тогда с Дубниковым ехать в Голосовку, где уже он представит самих продавателей» [10].

По пути для угощения Дубникова на 6 рублей серебром были куплены «чай, сахар, ром и разные съестные припасы». Но в корчме они так никого и не дождались.

Улазовский начинает сомневаться в искренности Нотансона и грозит ему «строгим взысканием от правительства». В ответ Нотанзон и Эфраимсон предлагают ехать прямо в Голосовку, надеясь встретить там

всю группу фальшивомонетчиков. Но их снова ожидала неудача. Нотанзон сообщает Улазовскому, что фальшивомонетчиков в корчме нет. *«Как гром поразили меня эти слова, — пишет чиновник, — и я остался стоять несколько времени на месте, держась за оглоблю»*. Придя в себя, он пригрозил своим спутникам, что составит «постановление» о ложности доноса Нотанзона, если тот не укажет место пребывания фальшивомонетчиков. Испугавшись, Нотанзон заявляет, что сам поедет в местечко Круглое к Дубникову и узнает у него причину случившегося.

Внезапно в корчму заходит неизвестный, и по реакции спутников Улазовскому ставится понятно, что это один из тех, кого они так ждали. «Новеньким» оказался посредник Дубников, который поведал, что следует отправиться в Копысь, куда с партией в несколько тысяч рублей и приедут продавцы фальшивых билетов. Помимо этого, Дубников сообщил, что расстроен открытием в Могилеве подделки фальшивых серебряных рублей неким Беленьким, с которым был связан Нотанзон [11].

После получения информации о необходимости поездки в Копысь Улазовский проводит переговоры с полицейским Федоровичем, который должен был прибыть в Копысь немного позже, и дает ему 16 рублей на расходы.

Группа Улазовского отправляется в Копысь. По пути он узнает, что один из продавцов фальшивок житель Орши, а другой — из Толочина.

Поздно вечером Улазовский со своими помощниками отправляются в Копысь на квартиру Дубникова. Здесь, наконец, разыгрывается финал этой истории.

Эфраимсон, как пишет Улазовский, должен был полученные у него сто рублей *«1851 года за № 30825 не раньше дать Дубникову как через полчаса, покуда я успею собрать понятых и позвать Федоровича с полицейскими»*. После того как Дубников отправился за фальшивыми билетами в соседнее помещение, дом был окружен, и Улазовский, войдя с понятиями в комнаты, объявил присутствующим, кто он такой, цель своего посещения и приказал всем назвать свои имена. Услыхав имя Бенеамина Кронрода и обыскав его, Улазовский *«в карманах нашел фальшивые билеты десятирублевого достоинства достаточное количество»*. Затем Улазовский *«бросился... в другую комнату с понятиями... В этой комнате, — пишет он, — я нашел только одного еврея, схватившего со стола и*

прятавшего в свои карманы фальшивые кредитные билеты. И это был Бенеамин Пайкин, у которого найдено гораздо более нежели у первого и сверх того еще».

Здесь же нашли и спрятавшегося в углу Дубникова, а *«под диваном, где сидел Кронрод, еще 760 рублей фальшивыми десятирублевыми билетами»* [12].

В Орше на квартире Кронрода обнаружили *«медную доску, вырезанную для десятирублевого билета... еще три доски — одна для пятидесяти рублей, другая для десяти рублей и третья для десятирублевого билета, затем остальные доски, в том числе и медные листы... и при дальнейшем обыске более ничего не открыто кроме белой бумаги и приготовленных листов для 50 руб. билетов и краски»* [13].

В Толочине у Бенеамина Пайкина *«найдена краска, надо положить, для десятирублевых билетов приобретенная»* [14].

В делах канцелярии Могилевского губернатора за 1858 год [15] сохранились показания учителя Шкловского казенного еврейского училища Эфраимсона. Свидетельствуя по делу, он сообщил, что познакомившись через Нотанзона с маклером по продаже фальшивок Дубниковым, заказал у последнего для покупки *«от 500 до 800 штук билетов»*.

Дубников согласился и объяснил, что у него в данный момент есть только десятирублевые билеты и что он принесет на пробу пятидесятирублевые билеты, отпечатанные *«только с одной стороны»*.

За каждый десятирублевый билет Дубников потребовал по два рубля серебром и дополнительно по сорок копеек серебром за каждый билет для себя за посредничество.

В этом же архивном фонде представлено донесение могилевского полицмейстера (№ 1138 от 25.11.1858) [16]. В нем сообщается, что летом 1856 года тот же Неух Дубников, *«не доезжая до деревни Тросны Могилевского уезда потерял бумажник с пятирублевыми фальшивыми билетами. Бумажник этот был найден крестьянином Максимом Павловым, который передал его своему брату Антону Павлову»* [17]. Дубников, узнав об этом, приезжает к Павловым и просит за вознаграждение вернуть его бумажник, но крестьяне решили отдать находку местному священнику, который посоветовал передать ее становому приставу.

Дело могилевских фальшивомонетчиков 1858 года — всего лишь один из эпизодов многовековой истории подделки денег на территории Беларуси [18].

Источники:

1. НИА РБ. Ф. 2001, оп. 1, д. 736а, лл. 1—15.

2. Там же. Л. 3.

3. Там же. Л. 3 об.

4. Там же.

5. Там же. Л. 5 об.

6. Там же. Л. 6.

7. Там же.

8. Там же. Л. 6 об.

9. Там же. Л. 7.

10. Там же. Л. 8 об.

11. Последняя информация требует небольшого комментария. Как свидетельствуют документы, в этом же 1858 году в Могилеве действительно было раскрыто дело фальшивомонетчика Беленького, который изготавливал поддельную серебряную монету [НИА РБ. Ф. 2002, оп. 1, д. 375, лл. 31—32, 33 об.].

12. НИА РБ. Ф. 2001, оп. 1, д. 736а, лл. 13—14 об.

13. Там же. Л. 14 об.

14. Там же. Л. 15.

15. НИА РБ. Ф. 2001, оп. 1, д. 736, лл. 1—77.

16. НИА РБ. Ф. 2001, оп. 1, д. 736.

17. Там же. Л. 11.

18. См. Колобова И. Клады фальшивых монет // Банковский вестник. 2003. № 31. С. 20—21.